

**ПРОЕКТ «ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ» ЛОГИКИ Г.Г. ШПЕТА:
ГЕНЕЗИС И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

В данной работе осуществляется попытка выхода за рамки стереотипной трактовки русской философии как преимущественно религиозно-мистической. Дело даже не в том, что фигура Г.Г. Шпета с этой точки зрения является маргинальной: один из немногих русских философов, имевших базовое философское образование, убежденный в том, что философия есть прежде всего рациональное знание. Если акцентировать внимание на «самобытности» русской православно-мистической философии, то окажется, что русская философская традиция представляет собой заверченный (после смерти А.Ф. Лосева) корпус текстов, основная часть которого была создана во второй половине XIX – первой половине XX в. Изучение этой традиции как эпохального культурно-исторического феномена необходимо, но включение ее в современный философский дискурс существенно затруднено в силу изначальной и перманентно подчеркиваемой «инаковости» этого направления русской философской мысли по отношению к западно-европейской философской традиции.

В то же время рационалистические направления в русской философии до недавних пор оставались в тени навешенного на них ярлыка «заимствования». Данная работа свидетельствует, что исследования российских приверженцев рационализма (у Г.Г. Шпета были как учителя, так и последователи) направлялись теми насущными проблемами, которые были поставлены перед мировым философским сообществом кризисным состоянием философского знания, связанного со сменой парадигм «классика – современность».

Целью исследований Г.Г. Шпета в области методологии научного познания являлось создание «герменевтической» логики, которая могла бы служить основой методологий гуманитарных наук. В рамках эволюции Шпета-философа в целом разработка основоположений «герменевтической» логики была частной, конкретной задачей на пути нового обоснования рационального знания, ставшего необходимым вследствие кризиса сциентистских идеалов позитивизма во второй половине XIX – начале XX в.

Выстраивая свою полемику с позитивизмом, Г.Г. Шпет пришел к необходимости уточнения роли и места логики в познавательном процессе. Генезис проблемы выглядит следующим образом. Логическое знание Аристотеля имело онтологический характер, т. е. вопросы о вещах, словах и мыслях (вещи, имени вещи и идеальном прообразе вещи) были единой проблемой. Претерпевая различные модификации, эта связь сохранялась и в схоластической философии средневековья. Она была утеряна онтологией Нового времени в силу редукции онтологического вопрошания к противопоставлению мыслящей и протяженной субстанций, вследствие чего на первый план вышло противостояние разума и вещи. Кант выдвинул проект трансцендентальной логики с целью снять это противостояние, заменив вопрос о том, что есть, как оно есть, вопросом о том, как мы познаем то, что есть, т. е. подменив онтологию гносеологией¹. Отказывая в существовании идей как таковых, вне субъекта сознания, редуцируя все многообразие бытия к эмпирическому миру, Кант, в сущности, легитимировал господство математического естествознания как образца научного познания. Позитивизм XIX в. можно считать логическим завершением такой позиции (социология О. Конта). Главный упрек Г.Г. Шпета Канту – кантовский сенсуализм, «убеждение, будто содержание познания доставляется только чувственным материалом, ...отвлечение от слова как действительного орудия познания»².

Отметим, что несоизмеримость авторитетов в противостоянии «Шпет contra Кант» восполняется принципиальным характером этого противостояния: «русская философия contra Кант». Уже самое общее ознакомление с историей русской философии позволяет заметить «неадекватную» реакцию большинства русских философов в отношении так называемой «коперниканской революции» Канта в истории западной философии. Другими словами, если критика западного типа философствования была одним из основных факторов самоопределения русской философской традиции, то вывод Канта о том, что разум предписывает законы природы, стал центральным пунктом этой критики. К слову, в современной западной философии (социальной теории) на первый план выходит «вторая коперниканская революция» Канта, т. е. при оценке его вклада в историю западной философии акценты переносятся с исследований классиком способностей человеческого познания на его телеологическую философию истории, ставшую трансцендентальным основанием самоопределения субъекта современной философии³.

Исходя из вышеизложенного, реконструкцию проекта «герменевтической» логики Г.Г. Шпета можно осуществлять в двух направлениях: разработка проблематики смыслоозначения применительно к языковым выражениям (поиск словесной «материальности» смысла) и концепция логического плюрализма. Первое направление проходит красной нитью через все творчество этого разносторонне одаренного человека и становится характерным для «позднего» Г.Г. Шпета, что обусловило его известность как ученого-лингвиста. Детальный анализ данной проблематики не входит в задачи этой работы, поэтому здесь будут приведены лишь некоторые промежуточные результаты исследований Г.Г. Шпета в этой области.

Человек понимает обращенную к нему речь на нескольких уровнях. Разворачивая этот мгновенный процесс во времени, можно выделить несколько этапов. Вначале он слышит эмпирический звуковой ряд (фонемы), который затем разбивается на эмпирический же ряд чувственно воспринимаемых имен, называющих вещи, свойства, отношения (морфемы). Последние расположены в определенном синтаксическом порядке (синтагмы), формирующем смысл высказывания. Исследуя качественный скачок от чувственно воспринимаемой морфемы к осмысливаемой синтагме, от номинативной к «семасиологической» (термин Г.Г. Шпета) функциям слова, Г.Г. Шпет выделяет промежуточный уровень в структуре слова – предметный. Предмет есть единство потенциально называемых вещей, т. е. общий термин. Собеседники могут оперировать разными именами вещей, подразумевая под ними один и тот же предмет, который суть идеальное бытие вещей. Предмет в разговоре схватывается, «конципируется», но еще не понимается, поскольку он является лишь формальным образующим началом смысла. Таким образом, переход от чувственно-эмпирической к смысловой данности слова опосредуется формально-логической предметностью. Г.Г. Шпет акцентирует внимание на том, что сфера применения логики – не просто «логистическое» конципирование, но универсальное установление отношений между языковой эмпирической формой слова и идеальным смыслом посредством терминирующего изложения, выстраивающего весь корпус человеческого знания. «Настоящие логические формы суть отношения между морфемами как формами вещного называемого содержания и онтическими формами как формами предметного подразумеваемого содержания. ...Логические формы суть внутренние формы как формы идеального смысла, выражаемого и сообщаемого; онтические формы суть чистые формы сущего и возможного вещного содержания. Отсюда и возникает такое тонкое соответствие логических и онтологических форм, что его делают критерием истинности высказываний, с одной стороны, и что оно при-

водит к сбивчивому распределению задач логики и онтологии»⁴. Утверждая, что между логикой и онтологией существует строгое соответствие, обеспечивающее перевод с одного языка на другой, Г.Г. Шпет приводит примеры подобных переводов-соответствий: предмет в онтологии – термин в логике, свойство – признак, порядок – метод и т. п. Такая корреляция между логикой и онтологией, выявленная Г.Г. Шпетом при экспликации «органической» структуры слова (вглубь, от плоскости чувственно воспринимаемой «слововещи» (фонема, морфема) к идеальному смыслу), получает свое уточнение при обосновании Г.Г. Шпетом своих убеждений в принципиальной множественности наук и их методов.

Сущность концепции логического плюрализма заключается в признании внутренней автономии каждой отдельно взятой науки вследствие специфических особенностей ее предмета, выявленных в результате тщательного онтологического описания и логико-методологического анализа ее предметной области. Только на этом пути философское знание, конституирующее предметные области частных наук, подтверждает свой статус основания любого объективного знания.

По Г.Г. Шпету, та часть феноменологии Э. Гуссерля, которая ориентирована на чистое описание вещей как таковых без каких-либо теоретических привнесений, т. е. без использования гипотетических причинных связей, является лишь одной из частей такой онтологии. Ее необходимо дополнить теоретической (рациональной) онтологией, непосредственно примыкающей к формальной логике и использующей ее дискурсивные понятия в качестве орудий обозначения «индифферентных» отношений вещей и предметов.

Формальная логика базируется на онтологии, поскольку онтологическое обоснование понятий формальной логики позволяет им сохранять свой объективный предметный характер в составе общего учения о понятии, где они выступают уже в роли «заместителей» предметов и объектов (функция констатирования отношений между вещами и предметами отходит на второй план). Когда же общее учение о понятии получает применение в специальных науках (т. е. по мере того, как чистая, формальная логика превращается в прикладную логику, методологию), понятие вновь становится орудием обозначения отношений между явлениями повседневной практики и объектами специально-научного исследования. Но эти отношения устанавливаются уже не в результате «индифферентного» онтологического описания-констатации, а задаются целями и задачами специальных наук.

Г.Г. Шпет акцентирует внимание на таком различии задач онтологического описания и логического анализа, поскольку оно требует существенного уточнения в определении научного знания как такового. Помимо того что это есть логически оформленное объективное знание, адекватно описывающее систему отношений между объектами той или иной предметной области, научное познание должно включать в себя экспликацию методов образования понятий, с помощью которых описывается эта предметная область.

Итак, по Г.Г. Шпету, путь любой частной науки можно схематически описать следующим образом: выделенная из мира с помощью онтологического описания вещь превращается в объект исследования; из объектов, объединенных общей задачей исследования, формируется предмет (предметная область) науки; исходя из предмета науки, устанавливаются ее категориальный и методологический аппараты, система причин и объяснений.

Подобная схема демонстрирует двухуровневый характер формирующегося научного знания: *уровень исследования* (эвристический) и *уровень изложения* (методологический), *уровень постижения знания* и *уровень передачи его другим*. Учитывая тот факт, что постигают уже в сформулированных выражениях (бессловесного знания не существует по крайней мере в

науке), четкой границы между этими уровнями нет. Но различие это существенно, поскольку позволяет уточнить сферу применения прикладной логики (методологии) – изложение, закрепление знания. Эвристический же процесс, как утверждает Г.Г. Шпет, направляется определенными предметными принципами познания, совокупность которых в каждой специальной науке составляет ее методикку. Так, например, в математическом естествознании логика идет вслед за наблюдением и экспериментом, руководимыми гипотезой, или за математическим умозрением с его методикой аналитического исследования. Соответственно в гуманитарных науках логика идет вслед за пониманием. Если для математических и естественных наук прикладная логика есть логика анализа и предвидения, то для филологических и исторических наук таковой является логика интерпретации, или герменевтическая логика. Таким образом, Г.Г. Шпет вписывает понимание в ряд таких универсальных компонентов познавательной деятельности, как смотрение, слушание, внимание, память⁵. Принципиальный анализ понимания как такого компонента, выполняющего роль усмотрения идеального смысла на «эвристическом» уровне формирования научного знания, анализ, требующий также отличия понимания и от различных исследовательских методик интерпретации, является следующей фундаментальной проблемой, формулируемой Г.Г. Шпетом в рамках исследования специфики методологий социогуманитарных наук.

Итак, занимаясь вопросами методологии исторической науки, Г.Г. Шпет эксплицировал исходную проблему: нарушение генетической связи онтологии и логики вследствие потери онтологического статуса слова, что в конечном счете привело к господству методологии математического естествознания. Отстаивая тезис о том, что слово является действительным орудием познания, Г.Г. Шпет разработал «органическую» структуру слова, вскрывающую идеальную предметность смысла на уровне корреляции онтологических и логических форм слова. Та же связь логики и онтологии, рассматриваемая Г.Г. Шпетом в контексте оформления научного знания как такового, позволяет уточнить структуру этого процесса. В частности, дифференциация методического и методологического уровней научного познания приводит Г.Г. Шпета к определению статуса понимания как универсального компонента познавательной деятельности, требующего своего принципиального анализа с целью обоснования «герменевтической» логики как основы методологий социогуманитарных наук.

¹ См.: Шпет Г.Г. Введение. История как проблема логики: В 3 т. (Т. 2.) // Антология феноменологической философии в России. М., 2000. Т. 2. С. 57.

² Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 416.

³ См.: R undell J. F. Origins of modernity. Oxford, 1991. P. 15.

⁴ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 400.

⁵ См.: Шпет Г.Г. История как проблема логики. Т. 2. Гл. 7 // Два текста о Вильгельме Дильтее. М., 1995. С. 85.

Игорь Викторович Макаров – аспирант кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Е.В. Хомич.

П. ПОЛОНСКИЙ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ РАВВИНА А.-И. КУКА И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

В современном мире сочетаются весьма противоречивые мировоззренческие системы. Особое значение приобретают религиозные учения, под

